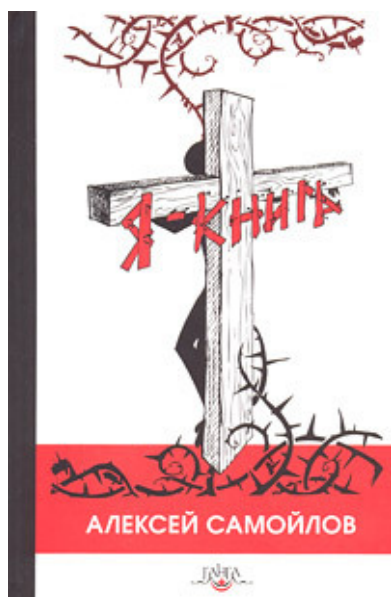

Алексей Самойлов

Я – книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936845

Аннотация

В одном из городских книжных магазинов появляется новорождённая Книга, и зовут её Безусловная Любовь. Активная и любознательная, она сразу же начинает познание себя через общение с окружающим миром: знакомится с другими Книгами и предметами, попадает к людям, читается и переживает множество приключений. В видениях, возникающих у героини во время чтения, она видит распятого на кресте человека, а затем обращается в девушку по имени Анна – одну из учениц Иисуса Христа. Будучи в облике Анны, Книга узнаёт, что скоро предаст своего Учителя. Возвращаясь в тело Книги, героиня ищет смысл существования в наслаждении настоящим моментом, даже не догадываясь о том, что жизнь её последнего читателя теперь зависит от её собственной жизни. «Я – книга» уникальна тем, что повествование в ней ведётся от лица героини-Книги. Это позволяет почувствовать всё волшебство книжного мира изнутри, а мир людей увидеть необычными глазами книг, живущих на полках книжных магазинов и стеллах шкафов.

Содержание

Пролог	4
1. Рождение	6
2. Первый покупатель	9
3. Второй покупатель	13
4. Первый читатель	15
5. Второй читатель	20
6. Третий читатель	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алексей Самойлов

Я – книга

В книге использованы цитаты из книги Пола Феррини «Любовь без условий»

...Итак, согласно церковным канонам, Сретение – это встреча последних праведников Ветхого Завета Симеона и Анны с носителем Нового Завета Иисусом Христом, в лице Которого встретились божество и человечество. Рассказывая об обычаях и приметах большого христианского праздника Сретения Господня, мы также хотим упомянуть о том, что по времени он совпадает с древним славянским обрядом почитания огня – так называемым языческим праздником Громницы...

Русские народные праздники, обряды, обычаи

Смысл – это не то, что заключено в тексте, а то, что рождается непосредственно в процессе чтения. Текст – это только набор букв, художественное же произведение – набор смыслов. Читатель не является соавтором текста как такового, но он, безусловно, является соавтором художественного произведения.

С. Алхутков

*Оборонённый святостью Даров,
Мой дух разрушит плотское заклатье –
Я выйду к тайне сопряженья слов,
Ложась к подножию Распятья...*

С. Калугин

Пролог

– А ты что скажешь, Анна?

Под ждущими ответа взглядами учеников я занервничала, пытаюсь вспомнить вчерашние слова Учителя. Там было что-то про воровство: если у тебя отобрали предпоследнюю рубаху, то отдай последнюю. Боясь ошибиться, я пробормотала, не открывая глаз и не чуя губ:

– Не знаю. Я не знаю, кто я и зачем родилась. Я пришла к тебе, чтобы это узнать.

– Ты узнаешь, – сказал Учитель и повернулся к остальным.

Чья-то невидимая ладонь нежно дотронулась до моих век, и я вылилась из человеческого тела. Только эхо до мурашек знакомого голоса ещё долго колотило каждую мою уже существующую страничку колокольным звоном. Я открыла глаза, но ничего не увидела, и молнией вспомнила, кто я такая. Я вспомнила, но не могла назвать: слово вертелось на языке и терялось где-то в глубинах памяти.

– Руко... руко...

Я закрыла глаза и снова увидела людей. Учитель убрал ладонь. Он благодарно улыбался, и я спросила:

– Иисус, а я действительно Рукопись?

– Да, душа моя, – ответил он, а затем обратился к окружавшим его ученикам: – Все мы кажемся живыми, но мы ещё не рождены по-настоящему. Истинное рождение случится

только после смерти нашей видимости. Эта видимость – видимость того, что мы есть наши тела – должна умереть.

– Но мы это знаем. Мы не только тела, – заметил Фома.

– Дух – женское начало, плоть – мужское. Именно для того, чтобы вы лучше понимали меня без слов, я начал приглашать Анну на наши тайные встречи. С этого дня Анна – наша сестра.

– Я хочу поскорее родиться! – воскликнула я.

– Ты родишься, – Иисус ласково посмотрел на меня. – Я обещаю.

– А вот мне не кажется уместным её появление среди нас, – неожиданно возразил Пётр. – Учитель, ты не спросил никого, хотя раньше всегда советовался хотя бы с Иудой. Что скажешь, Иуда?

– Скажу, что не принесёт она тебе пользы, Учитель. Она предаст тебя.

Иисус положил руку на плечо любимому ученику:

– Иуда... Предательство – великая польза, если совершается по любви.

– Не понимаю тебя...

Я тоже перестала улавливать смысл происходящего. Глядя на свои медленно тающие руки и пытаясь прикоснуться к исчезающему лицу, я ощутила странную резь в глазах... и очнулась в небольшой уютной комнате на столе из красного дерева. Беззвучно тикали настенные часы, за окошком капал мелкий осенний дождь. За столом сидел пожилой мужчина в больших очках и что-то записывал в толстую тетрадь.

Вдруг он на секунду задумался и взял меня в свои тёплые руки.

– Ты чудесная! – сказал он. – Я очень люблю тебя! Ещё пара абзацев, и, пожалуй, будем завершать. Скоро ты станешь самой настоящей Книгой.

Я быстро-быстро закивала, боясь, что добрый человек исчезнет.

Но он лишь подмигнул мне и прикоснулся к верхней страничке, мягко уколол её. И я почувствовала такое немыслимое блаженство, что сразу растворилась в нём вся и полностью – до самого кончика буквы «б» в слове «Любовь».

1. Рождение

Я открыла глаза, но не увидела света. Вокруг меня недоумённо хлопали глазами странные существа в мягких переплётках с одинаковыми рисунками на обложке. Они оглядывали меня со всех сторон, копошились и попискивали. От этой суеты соседи оживали и принимались подражать тем, кто привёл их в чувство.

Я знала, что я – Книга. Откуда во мне появилось это знание, я понять не могла. Поскольку других сведений о себе обнаружить не удалось, я озвучила то, что было:

– Я – Книга.

Мои соседи моментально откликнулись, перестали рассматривать меня и начали ощущать и обнюхивать себя. И в гнетущей темноте раздался робкий шёпот, эхом пронёсшийся по рядам:

– Я – Книга... я – Книга...

Вдруг всё вокруг неожиданно подпрыгнуло вверх и полетело. Куда мы летели, я не знала, но это продолжалось совсем недолго, и вскоре последовало приземление. Оно было резче прыжка и оттого – очень чувствительным. Острая боль пронзила всё моё тело, и я потеряла сознание.

Когда я открыла глаза во второй раз, то... увидела что-то яркое и услышала что-то шумное.

– Привет, новенькая! Очнулась? – спросил кто-то.

Я кое-как покосилась налево и разглядела ещё одну Книгу. Кажется, она улыбалась.

– Привет! Это мне от света ничего не видно?

– Такая новенькая, а уже умные вопросы задаёшь! – рассмеялась соседка. – Давай знакомиться. Меня зовут Весёлая Наука.

– А меня как? Я не знаю.

– А тебя – Безусловная Любовь. У тебя на обложке написано. Ты что, читать не умеешь?

– Мне это имя ни о чём не говорит, – погрустнела я. Наверное, было бы здорово родиться на свет и уметь всё сразу!

– Это потому, что тебя ещё никто не читал, – объяснила Весёлая Наука.

– А тебя?

– И меня никто. Поэтому я тоже не понимаю смысла своего имени.

– Эй вы, – неожиданно кто-то пихнул меня справа, – потише, пожалуйста. «Читал – не читал...» Какая разница! Мне мыслить надо, а вы мешаете.

Я уже привыкла к свету и оглянулась направо. Моей второй соседкой оказалась большая толстая синяя Книга в твёрдом переплёте, задумчиво смотрящая куда-то вдаль.

– Вас зовут... эээ... Учение Храма? – я неожиданно научилась читать и тоже посмотрела вдаль. – Похоже, мы попали в какой-то научный центр.

– Какая ты смешная, новенькая! Мы в Книжном Магазине! – рассмеялась Весёлая Наука.

На некотором расстоянии от нас я увидела много-много полок со всякими Книгами и тёмные силуэты что-то внимательно ищущих людей.

– Давай я тебе всё объясню, только шёпотом, чтобы не отвлекать Учение Храма от его мыслей.

Я подставила ушко, и Весёлая Наука, сверкнув ярко-зелёной обложкой, зашебетала:

– Два месяца назад я была такой же, как ты. Я родилась, открыла глаза, затем полетела, приземлилась и сильно ударилась. Оказалось, что меня принесли со склада и бросили в кузов машины. Затем я очутилась здесь, на этой полке. Обычно Книги после рождения попадают

в Книжный Магазин, где их покупают люди, чтобы читать. Меня пока не купили, но я очень надеюсь, что это скоро произойдёт. Потому что мне очень хочется быть прочитанной.

– Но здесь, в Магазине, очень много Книг, – возразила я. – И тебе очень долго придётся ждать, пока тебя купят.

– Эти Книги все разные, понимаешь? – Весёлая Наука подмигнула мне. – И каждый человек ищет нужную ему Книгу. Однажды кто-нибудь найдёт именно меня. И тебя тоже найдут, то есть купят – рано или поздно. Просто ты ещё новенькая и пока не знаешь, что такое чувствовать себя кому-то нужной.

К чему она подмигнула? О чём? Зачем? Я спросила:

– Разве мы все разные? Разве таких, как я, больше нет? Мне показалось, что когда я родилась, вокруг меня были очень похожие на меня Книги.

Весёлая Наука замахала метафорическими руками, засуетилась, поджала губы.

– Да, то есть нет. Как бы тебе это объяснить?

– С самого начала и в подробностях, – потребовала я.

Соседка артистично почесала переплёт, сосредоточилась и рассказала:

– Ты не сама родилась, тебя родили люди. Это ты понимаешь? Так вот. Те, кто тебя родил, не совсем люди, вернее, совсем не люди. Это Боги. Их зовут Типографами. Они родили тебя и ещё множество твоих сестёр, которые точь-в-точь такие же, как ты, и которых зовут так же, как и тебя. Их развезли по разным Книжным Магазинам, а в этом Магазине ты, скорее всего, одна.

– Но если у меня есть одинаковые сёстры, значит, я не уникальна? И человек, которому я нужна, пойдёт в другой Магазин и купит там мою сестру. И я окажусь бесполезной...

От внезапно накатившего отчаяния я едва не заплакала. Весёлая Наука сочувственно посмотрела на меня и ласково погладила по обложке.

– Надо верить в свою счастливую Судьбу, – сказала она. – Знаешь, что такое Судьба? Это значит, что тебя купит и прочтает именно тот, кому ты действительно нужна. Такой человек только один во всём городе. Сейчас я докажу тебе, что Судьба есть, и она всегда одна.

Весёлая Наука надела специально припасённые для доказательства Судьбы невидимые очки.

– Моя соседка по имени Тринадцать Врат, которую купили неделю назад, рассказывала мне древнюю как твёрдый переплёт легенду. Говорят, в нашем городе есть такие Книжные Магазины, в которых много-много Книг-сестёр стоят на одной полке рядом друг с другом. Представь, что ты – одна из этих сестёр. Когда в Магазин приходит человек и находит эту полку, он смотрит либо на тебя, либо на кого-нибудь из твоих соседок. Если он выберет тебя – значит, это человек, которому ты и вправду необходима. А если выбор падёт на твою сестру, значит, ты ему не нужна. Ты должна быть благодарна ему за то, что он тебя не купил, потому что ужасно быть приобретённой тем, кому ты безразлична!

– Это всё научная ересь, – послышалось справа.

Оказывается, Учение Храма давно перестал смотреть вдаль сквозь книжные полки. Он активно прислушивался к рассказу Весёлой Науки. Видимо, неожиданное появление меня выбило его из колеи раздумий.

– Он вечно со мной не согласен, – вздохнула Весёлая Наука и совсем уж тихим шёпотом добавила: – Сейчас и тебя прогрузит.

– Да ну вас. Живите своими иллюзиями, – Учение Храма закрыл первый глаз.

– Расскажите, пожалуйста, – попросила я. – Я хочу всё знать.

Учение Храма хмыкнул.

– Пока тебя не прочтут – ничего не узнаешь. И чем больше людей тебя прочитают, тем больше ты узнаешь. А Судьба – это дешёвая выдумка для наивных молоденьких Книжечек.

– Значит, вы тоже ничего не знаете, ведь вас ещё не читали!

– Может быть, я смогу это узнать, не будучи прочитанным, и рассказать о своём знании читателям, – заявил сосед.

– А у вас нет сестёр, то есть братьев?

– Есть. Но они меня не интересуют.

– Все ваши братья и мои сёстры – одинаковые?

– Мы придумываем много доказательств того, что они разные. А на самом деле... постой на полке с моё, понаблюдай за вечно суетсяящимися Книгами и незнамо чего ищущими людьми, посозерцай бесконечное пространство и иллюзорное время. И, может быть, тебе не захочется быть прочитанной.

– Вам не хочется, да? – догадалась я.

– Это слишком простой путь, – ответил Учение Храма и закрыл остальные глаза.

Я повернулась к Весёлой Науке, и соседка обречённо кивнула, поняв, что её сегодняшний день полностью занят мной.

2. Первый покупатель

Весёлую Науку купили на следующий день – так неожиданно, что мы с ней даже не успели обменяться номерами книжных телефонов. Но свой единственный сон рядом с ней я никогда не забуду. Весёлая Наука положила свою тёплую руку мне на обложку, чтобы я смогла заснуть, – ведь она знала, как это трудно сделать впервые.

А приснились мне чёрные люди в белых халатах и с нимбами над головами. Они производили руками таинственные пассы и извлекали из воздуха разноцветные завёрнутые в целлофан Книги. И у каждого из этих мрачных людей на лбу было выдавлено клеймо «Типограф».

Подтянутый бородатый мужчина в нелепых очках и кожаной куртке сунул Весёлую Науку под мышку, даже не пролистав её предварительно. И моя бывшая соседка крикнула:

– Это Судьба!

– Поздравляю!.. – крикнула я в ответ.

А Учение Храма лишь приоткрыл на секунду левый глаз и насмешливо хмыкнул.

С исчезновением Весёлой Науки у меня появился новый левый сосед, который тоже не успел попрощаться с ней. Его звали Садом Вечности, и это имя никому из нас ни о чём не говорило. Я сразу же задала ему мучающий мою душу вопрос:

– А ты не общался с Книгами, которых уже прочитали?

– В этом Книжном Магазине таких нет. В лучшем случае тебя просто полистают, – ответил Сад Вечности, – но я расскажу тебе две бесконечных, как сама жизнь, легенды. Хочешь послушать?

Сад Вечности выглядел серьёзнее и говорил увереннее, чем Весёлая Наука, но не казался таким неприступно недоверчивым, как Учение Храма, из которого и закладку клещами не вытащишь.

– Подставила ушко, – и я зачем-то подмигнула ему.

– Легенду первую я услышал от одного молодого человека, который листал меня на днях. Это большая редкость – услышать что-то о Книгах от человека, потому что обычно люди молчат, а читать их мысли Книги, к счастью, не умеют.

– Почему к счастью?

– Потому что, я уверен, ничего хорошего люди о нас не думают! Так вот, в нашем городе, оказывается, существуют Книжные Магазины, в которых можно взять Книгу с полки, сесть в уютное кресло, прочитать её и вернуть обратно, не покупая. Этот молодой человек прочитал уже двадцать две Книги. Он приходит в Магазин, берёт Книгу, читает её один час и затем возвращает на полку.

– Вот это да! – я ушам своим не поверила. – Значит, в подобных Магазинах Книги могут быстрее обо всём узнать? И рассказать об этом тем Книгам, которые... – и я кивнула на Учение Храма.

– Да, – Сад Вечности умно посмотрел в потолок. – Из этого следует вторая трактовка идеи Судьбы. Судьба – это сразу после рождения угодить в Читающий Магазин. Но, как говорится, одна Книга сразу в два Магазина не попадает.

– Ну, замечательно. Значит, мне крупно повезло.

Опять на душе стало противно и тоскливо. Знала бы я, о чём мне ещё расскажет Сад Вечности – выплакала бы все свои горькие слёзы сразу же. Такая уж я ранимая Книга, ничего не поделаешь!

– Удача дважды отвернулась от тебя, – продолжил рассуждать сосед. – Потому что существует другая легенда, правдивая, как алфавит. В нашем городе есть такие Книжные Магазины, в которых человек может бесплатно взять любую Книгу с полки, принести домой,

прочитать её, а затем снова вернуть в Магазин. Эти Святые Магазины называются Библиотеками. И некоторые Книги, их очень немного, с самого рождения попадают в Библиотеки! Отсюда пошло выражение – «Ну ты и попал, как Книга в Библиотеку!»

И Сад Вечности надулся, преисполнившись собственной значимости. А я больно прикусила язык и с головой окунулась в безбрежное море печали. Вот что такое настоящая счастливая Судьба – с рождения быть Книгой в Библиотеке! Тогда тебя прочитают многие! Тогда ты постоянно общаешься с Книгами, которых читали десятки людей! И каждому из них ты будешь нужна, ведь наверняка в Библиотеки приходят самые что ни на есть святые люди!

– Ещё одна научная ересь, – буркнул между тем Учение Храма.

Как он умудряется слышать и слушать одновременно, я пока не понимала.

– Почему? Почему?! – отчаянно не согласилась я. – Может, быть однажды прочитанной – и простой путь познания себя, но быть зачитанной до шелушения страничек – это прекрасно, это счастье, это свобода!

– Хы-хы! – неприятно ухмыльнулся Учение Храма, – все эти твои библиотечные Книжонки – раздувшиеся от гордости бестолковые Словари, от которых за версту разит вонючей пылью, древесной перхотью и лицемерием!

– Вы не можете их оскорблять, вы не были в Библиотеке! – закричала я, а мой переплёт запыхал от праведного возмущения.

– Есть знание, не даруемое опытом, – спокойно ответил сосед.

Совершенно не поняв этой последней тирады, я смертельно обиделась на Учение Храма и грустно посмотрела вдаль. Может быть, люди умнее Книг, и стоит прислушаться к тому, о чём они говорят?

Следующую неделю я пыталась это практиковать и заметила поразительную вещь: мы, Книги, очень редко слышим людскую речь и ещё реже видим лица тех, кто говорит. Люди в наших глазах кажутся тёмными ходячими силуэтами, а их говор в наших ушах – гул, сквозь который иногда пробиваются слова. Когда люди подходят к нашей полке, сквозь пелену серого тумана проступают их лица – такие странные и похожие на восковые маски.

По услышанным обрывкам слов я поняла, что люди, в основном, говорят друг с другом, иногда – с самими собой и почти никогда не говорят с Книгами. По крайней мере, ни ко мне, ни к моим соседям никто не обращался. Хотя один лысеющий юноша в майке навывпуск вечером второго дня полистал Сада Вечности – в этот момент внешность человека была хорошо различима. Листал он молча и сосредоточенно, затем сдвинул брови, плюнул (хорошо, что не в Книгу) и вернул соседа обратно на полку. Я спросила:

– Что чувствует Книга, когда её листают?

– Приятно, но по большому счёту – ничего хорошего. Сразу видно – не Судьба, – ответил Сад Вечности.

А люди... их силуэты шли мимо нас, редко задерживались на секундочку, произносили всякие глупости, Книгам неслышимые, а если и слышимые, то неинтересные. Тренькали телефоны, и люди рассказывали, что находятся в Книжном Магазине. Пару раз я слышала «Вот эту Книгу я ищу!», и невидимых с моей полки родственниц покупали. Оно, конечно, обнадёживало, но я уже потихоньку начинала нервничать. Учение Храма по этому поводу бросил ставшее традиционным: «Постой, подобно мне, годика два ни разу не листанным, и всё пройдёт...».

Но я не хотела идти путём своего старшего соседа, продолжая засыпать Сад Вечности разнообразными вопросами.

– А почему люди кажутся такими далёкими?

– Потому что их Мир совсем не похож на наш, и эти Миры редко пересекаются.

– Значит, когда Миры пересекаются, мы можем видеть и слышать людей, да?

– Да, но каким образом пересечь Миры, я не знаю.

– А почему Книги не могут заговорить с людьми первыми?

– Могут, только люди их не слышат. Я пробовал – бесполезно.

Я тоже попыталась – вечером третьего дня, перед самым закрытием Магазина. Чего я только не выкрикивала: «Я – твоя Судьба!», «Купи меня за бесплатно, пожалуйста!», «Полистай меня, человечиче!», «Услышьте меня, о чёрная девушка с пышной причёской!» и даже «Вынь бананы из ушей, силуэт в чепчике!» Своим буйным поведением я довела Учение Храма до розовато-голубого каления обложки, и он, не выдержав, в ярости воскликнул:

– Будьте вы прокляты, Типографы, за то, что не дали Книгам возможности двигаться без помощи людей!

Я удивилась реакции соседа – обычно он выглядел не живее истукана.

– Между прочим, – надев маску спокойствия, заметил Сад Вечности, – Учение Храма только что произнёс самое древнее проклятие Книжного рода. Оно древнее, чем тишина и пространство, бесконечнее, чем река времени, и правдивее, чем пятнадцать тысяч китайских иероглифов!

– А мне плевать на все ваши проклятия! – заявила я, вспоминая лысеющего навывпуск, – меня люди не слышат!

После этого пассажа оба соседа объявили мне трёхдневный бойкот, игнорируя моё нытьё и слёзы. Если от Учения Храма я ожидала получить такую горькую пилюлю вместо утреннего кофе в постель, то вот Сад Вечности, с которым мы почти подружились, очень сильно расстроил. До того расстроил, что я, совсем юная и гиперчувствительная по натуре, впала в детскую депрессию.

Конечно, я много ревела, грызла полку, много копошилась и накручивала себя. Моё прошлое было туманным и непонятным, а будущее – безутешным и мрачным. Что, если меня и через месяц, и через год не купят? Что, если меня никто никогда не прочтёт? Неужели я так и буду вечно гнить на противной полке этого дурацкого Книжного Магазина, гори он вместе со всеми покупателями фиолетовым пламенем!? В результате я не испытаю никаких новых ощущений... не случится чуда, и я никогда не попаду в человеческие руки... а уж про Библиотеку вообще забудь, глупая Книжулька... и превращусь я во флегматичного меланхолика по имени Учение Храма, который на самом деле зануда, пофигист и лузер.

И даже когда меня впервые в жизни полистали, депрессия не прошла. Ну, полистали, подумаешь? С кем не бывает? Это ведь не Судьба. Я даже не обратила внимания на человека, который это сделал. Я даже не захотела почувствовать тепло бережно держащих меня рук и нежность любознательного взгляда. Полистал он меня и поставил на место. Даже не полетала... а ведь я помнила, как забавно и необыкновенно – летать. И как больно и нелепо – приземляться.

Сад Вечности сжалился надо мной и начал разговаривать, но теперь я его не слышала. Он предложил покричать со мной хором на весь Магазин, но мне не нужна была его жалость. Его уже трижды листали, пока я задыхалась от безнадёги. Многие Книги покупали – я видела, как их брали и уносили. Я пару раз крикнула им, пыталась спросить: что они чувствуют? Но, похоже, Книги в предвкушении покупки теряли дар слуха.

И поняла я это спустя две недели и четыре дня после рождения.

Рядом со мной появилась длинноволосая девушка в розовой кофточке и с воздушным шариком в руках, на котором было написано его имя: «Smile». Я увидела её, как только она взяла меня с полки и начала листать. За это время я успела попрощаться с Учением Храма, который почему-то не хмыкал, а улыбался – может, впервые в жизни. Затем мне пожелал удачи Сад Вечности и жестами произнёс что-то про молодость и ранимость. А девушка закрыла меня и прижала к своей груди.

Господи, Типограф ты мой!!! Мою депрессию как ветром сдуло... Такого блаженства я не испытывала... давно?!..

Но как я могла помнить о нём, если это был первый опыт в моей жизни?

И я даже не заметила, что ко мне прижимается ещё одна Книга. И мы летим с ней вместе, и она тоже трепещет и молчит...

Мы подлетели к кассе. Девушка в розовом шарике с кофточкой на голове... Типограф родной, что я несу? От волнения... от волнения... я уже улыбаюсь, я совсем не плачу. Я счастлива...

– Двести семьдесят рублей сорок копеек, – говорит силуэт кассира.

Вижу, как кофточка в розовой девушке роется в своём кошелёчке... выскребает оттуда всю мелочь...

– Мне не хватает.

Розовость плачет. Или мне это кажется?

– Возьмите одну Книгу, а вторую оставьте, – советует силуэт кассира.

– Хорошо, – соглашается шарик.

И я опять лечу. Я даже не успела узнать, как зовут ту Книгу, которую выбрали вместо меня. Может, когда-нибудь я узнаю это – сейчас ещё рано, я ещё совсем маленькая и наивная дура...

Летать – это приятно, это восхитительно, если не знать, куда ты летишь.

Девушка поставила меня обратно на полку. Но она не запомнила, с какой полки меня брала, и поэтому воткнула меня, не глядя, между двумя незнакомками.

Я переселилась этажом ниже в полку напротив той, где жила до этого.

Что ж, с новосельем, самая последняя неудачница по имени Безусловная Любовь! Добро пожаловать в сплин! Здравствуй, лиловая депрессия! Печатный станок вас всех раздери, сволочные люди!!!

3. Второй покупатель

Новые соседи, даже не успев со мной познакомиться, сразу же надоели вопросами. Пришёл черёд держать ответ, чего я до этого момента старательно избегала.

– Тебя читали? Тебя купили? Откуда ты прилетела? Сколько тебе дней? – начала левая соседка, жёлтая упитанная Книга по имени Если Жена Стерва.

– Почему ты здесь? Зачем ты нас разлучила? Ты была в Библиотеке? – подхватил правый сосед, светло-синий и тоненький-претоненький, и звали его Опытом Дурака.

Я вкратце пересказала историю своей недолгой жизни. Если Жена Стерва меня пожалела, а я пожалела её. А Опыт Дурака заметил:

– Хватит жалеть друг друга, глупые Книжоночки! Лучше давайте помолимся: не дай Типограф нам такой Несудьбы, как у Безусловной Любви!

Не успела я узнать возраст моих новых соседей – оказалось, что они двое, вместе взятые, моложе меня на 5 дней – как сначала её, а затем его начали активно листать. У этой полки люди проявляли куда большую активность, чем у предыдущей. Я не могла понять, почему так происходит. Поинтересовалась у Опыта Дурака.

– В Магазине бывают счастливые полки, а бывают несчастливые. Я это сразу понял, потому что за первый день моей жизни люди купили пять моих соседей. Вот увидишь, тебя тоже скоро купят по-настоящему.

– А тебя?

– И меня тоже. Вот тогда и начнётся крутая жизнь!

Его нездоровый оптимизм вернул мне силы, и я подумала, как глупо вела себя всего полчаса назад. Придумала какую-то там новую депрессию! На самом деле, я должна сказать «спасибо» розовой кофточке за то, что она переселила меня с несчастливой полки! И я сказала – очень громко, так, чтобы полки задрожали, а все Книги затрепетали:

– Спасибо тебе, девушка с шариком! От всей души тебя благодарю!

Но люди не обращали на книжные вопли никакого внимания. И уж тем более меня не услышала та, к кому я обращалась, поскольку она уже покинула Магазин.

– Люди глухи с рождения. Глухи ли Типографы? – спросила я саму себя вслух.

– Мне кажется, что нет. Если бы не Боги, кто бы создал счастливые полки? – откликнулась Если Жена Стерва.

– А как зовут тех, которые Боги наоборот? – осмелела я.

– Мой вчерашний сосед с длинным именем Психологический Практикум Для Чайников рассказывал, что их зовут Идиотами.

– Значит, Идиоты воюют с Типографами! Значит, скоро наступит Книгогеддон, случится последняя битва, и сильная армия Типографов победит трусливую армию Идиотов.

– Откуда ты набралась такой чуши? – спросил Опыт Дурака.

– Не знаю. Не знаю, откуда я это знаю. А ещё я знаю, что раньше Идиоты сжигали Книги. Я вдруг вспомнила, – сказала я, удивляясь своим словам.

– Ты сама что ли видела? – не поняла Если Жена Стерва.

– Идиоты сжигали Книги, а потом Типографов. После чего один Типограф по имени Генрих Гейне сказал, что Книги не горят.

– Ой, сложно всё это. Я бы на твоём месте не тратила юность на философствования, – и Если Жена Стерва отвернулась от меня к своему левому соседу.

– Это наверно очень больно – гореть, – задумчиво произнёс Опыт Дурака.

Я промолчала, потому что мои необъяснимые знания закончились.

Близился вечер. Покупатели потихоньку покидали Магазин. Я подумала: насколько мне просто понять какую-либо Книгу – настолько же сложно понять людей. Я уже могу

разобраться в Книге, не читая её, а человека вообще нельзя прочитать, ведь он – не Книга. Но человек нужен мне, я же не могу прочитать саму себя! Наверно, невозможность прочитать себя – это второе древнее проклятие, и все Книги прокляты...и вовсе не Типографами, а Идиотами! Мне не верилось, что Типографы способны поступить так подло со своими созданиями.

Соседей раскупили на следующий день. Если Жену Стерву приобрело юное покрашенное существо в короткой юбочке и с конфетой во рту, а Опыт Дурака достался мужчине профессорского вида с корзинкой для грибов. Обоих людей я разглядела всего на мгновение, а затем они снова обратились в тёмные силуэты. Опыт Дурака успел шепнуть мне свой символический номер телефона и пожелал поскорее обрести опыт читаемой Книги.

Может быть, он умел разговаривать с людьми так, чтобы его слышали, а может, обладал даром ясновидения. Не успела я познакомиться с новыми соседями и рассказать им о странных догадках Учения Храма, как передо мной возник пылкий юноша с бледным взором. Он долго смотрел на меня в упор – я отвлеклась от увлекательнейшей беседы с Если Муж Дурак, порадовалась, что вижу человека, и улыбнулась ему. Юноша взял меня с полки, но листал совсем не долго – он глянул мельком лишь на первую страницу.

– Тебя сейчас купят! – крикнул мне Если Муж Дурак. – Берегись!

– Почему? – не поняла я. – Я ведь буду счастлива?

– Этот человек сомневается в тебе, – ответил проницательный сосед.

А мне показалось, что покупатель не сомневался. Сжимая меня в горячей руке, молодой человек пошёл смотреть другие полки, а я трепетала и молилась про себя: только бы он не взял ещё кого-нибудь! Вдруг у него не хватит денег на нас всех, и он не купит меня, а потом переселит со счастливой полки?

И мои молитвы были услышаны! Спустя пятнадцать минут я лежала в прохладной темноте рюкзака и куда-то летела за спиной первого настоящего покупателя! Я чувствовала огромное облегчение, поскольку магазинное прошлое, казавшееся таким бесконечным, теперь позади. Но мне было очень тревожно, поскольку впереди новый опыт, а я страшно боялась неизвестности!

В рюкзаке, помимо меня, летело множество разноформенных, незнакомых мне существ из разных миров. Я хотела поделиться с ними своими страхами, но существа молчали как Идиоты, не реагировали на прикосновения и даже не копошились.

Но и без общения с ними мой путь оказался увлекательным. Я приземлялась, причём совсем не больно, а потом вновь взлетала, теряя дары речи и слуха от резкого перепада высот. Осознавая много новых неприятных звуков, я то улыбалась, то морщилась... и вскоре, наконец, увидела свет! Рука покупателя достала меня из рюкзака и переместила на пёструю, синевато-мягкую поверхность. Я поняла, что буду жить в этой комнате, дома у пылкого юноши, а значит, ещё тысячу раз успею здесь освоиться и перезнакомиться со всеми. От массы непривычных ощущений и полёта я серьёзно устала и с удовольствием уснула, прижавшись щекой к подушке с изображением ушастых котят.

4. Первый читатель

Проснулась я на руках у человека. Сколько я проспала – не помню, но сон был настолько занимательным, что поначалу я даже возмутилась неестественному пробуждению. Мне снился Учение Храма с козлиными ногами, карабкающийся на одну из вершин Гималаев, где я сидела в позе «переплётом наизнанку» и насмехалась над горе-альпинистом.

Покупатель держал меня открытой перед глазами. Полусонная, растерянная и нервная, я не успела ни как следует сосредоточиться, ни даже предвкусить это величайшее событие в моей жизни – первое прочтение.

Меня не листали – меня начали читать! С самой первой страницы!

Я поняла, что чувствую нечто непередаваемое словами. Наверно, так же себя чувствует ребёнок, впервые упавший с велосипеда, или мореплаватель, возвращающийся к родному берегу после долгого странствия. Может быть, это – восхитительное ощущение маленькой свободы, которое бывает лишь раз в жизни и больше никогда не повторяется.

А ещё я почувствовала себя большой, будто горный хребет, и значительной, будто мужчина профессорского вида. Такое впечатление, что раньше мне не хватало для жизни одной существенной части, но я спокойно обходилась без неё. Теперь мне казалось: я не могу без этой части жить, только что это за сущность, я пока точно не знала. А ещё я могу презрительно фыркнуть в лицо любому остолопу вроде Учения Храма, а с какой-нибудь фривольной дурочкой типа Если Жены Стервы и здороваться не подумаю!

Мой первый читатель перевернул страницу, и вдруг мне стало... безумно щекотно! Да, да, очень щекотно глубоко внутри, у самых корней страничек... и я задрожала. Ощущение было совсем не из приятных! Мне хотелось вовсе не смеяться, а поскорее избавиться от этого! Я затряслась в руках человека ещё сильнее, я натурально хотела выпрыгнуть из его рук и даже закричала:

– Прекрати, пожалуйста!

И он прекратил!

Ничего себе!!! Он меня услышал?! Люди слышат Книги во время чтения?..

Он отложил меня в сторону, не закрыв, – положил обложкой вверх. Не очень удобная поза, чтобы лежать, честно говоря!

Затем он взял телефон и начал кому-то звонить. Я решила прислушаться... и у меня получилось! Более того, я видела этого человека чаще, чем его тёмный силуэт.

– Привет, не разбудил? – заговорил мой читатель. – Это Николай, из студии.

Его голос звучал непривычно громко, и это не нравилось моему слуху. Зато я запомнила имя – Николай Из Студии.

– Слушай, тебе случайно не попадалась такая книжонка «Безусловная Любовь»? Купил чисто из любопытства, а там с первых страниц... ну полная ересь!

Он говорит обо мне! Что это значит: «с первых страниц – ересь?» Что такое ересь, я знаю. Николай Из Студии хочет сказать, что ересь – во мне?

– Не попадалась? – тем временем продолжал читатель. – Представь, автор этого бреда возомнил себя Иисусом Христом и пишет от его имени!

Автор? Кто такой автор? Может, он говорит про Типографа? Типограф написал Книгу про самого себя?

Что-то я запуталась. Автор, автор... до боли знакомое слово, но вот его смысл не вспоминался. Наверное, я ещё слишком наивна. Может, я о себе совсем ничего не знаю – и не узнаю, пока меня не прочитают. Даже Учение Храма не говорил, что у Книги есть автор. Но если автор и Типограф – разные люди, тогда кто из них Бог?

Пока я путалась в собственных мыслях и пыталась постичь очередную бесконечность ещё не приобретённого опыта, Николай Из Студии закончил говорить по телефону. Он снова взял меня на руки, которые странно пахивали прозрачностью и дискомфортом.

– Я всё-таки почитаю это, – сказал Николай Из Студии. – Будет что обсудить на форуме. Он обратился ко мне! Я ушам своим не верила!

– Прочитай меня, пожалуйста, только не щекочи больше. Хорошо? – предложила я.

Николай Из Студии ничего не ответил, похоже, он углубился в меня. Неожиданно в глазах потемнело, комнатная реальность свернулась в тёмную точку и пропала. Несколько бессмысленных узоров сменили друг друга на экране сознания, и мне снова стало щекотно. Видеть, что происходит, я не могла, но прекрасно ощущала, как читатель небрежно перелистывает страницы, постоянно хмыкает, вздыхает и усмехается. Я дрожала и дёргалась у него на руках, чувствовала себя зябко и даже тоскливо. К тому же, никак не могла выгнать из головы эти дурацкие узоры в виде обрывающихся спиралек и чёрно-белых клеточек. От ощущения свободы не осталось и следа.

– Издают же такое! – наконец воскликнул Николай Из Студии, закрыл меня, заломив уголок страницы, затем бросил на жёсткий стол и куда-то ушёл, хлопнув дверью.

Мне послышалось «создают», и я крикнула в ответ:

– Да, создают! Я хорошая Книга!

Ни за что не позволю кому бы то ни было, пусть даже первому читателю, оскорблять моего Типографа!

Всё вокруг кружилось и не вставало на положенное место. Я была просто в шоке! Одна из страничек, с загнутым уголком, начинала противненько ныть. Что же случилось? Он прочитал более тридцати моих страниц, а я ничего приятного не почувствовала. Почему? Я ему не нравлюсь? Не нужна Между прочим, я ему не навязывалась и не прыгала в руки! Идиот меня раздери! Протёкшая авторучка!! Выпавшая закладка!!! Ведь посоветоваться даже не с кем... Николай Из Студии, будь он неладен, не поставил меня на полку с Книгами ... а я вижу полку – вон она, в паре метров от меня! На столе – лишь ваза с увядшими цветами да старая газета. И обе упорно притворяются, что неживые.

Что случилось? Он читал меня, но я не чувствовала ни его, ни себя. Ерунда какая-то, будто бы он меня просто листал! Да, приятно быть открытой – в страницах появилось что-то неизбежно-свободное. Но затем – эта неприятная щекотливая дрожь, будто бы он водил по мне острым неживым предметом! Она перебила весь позитивный настрой и испортила настроение.

– Эй, Газета! Э-э-эй! – я дотянулась до существа из близкого мира и прикоснулась к нему.

Она даже не вздрогнула.

– Давай знакомиться! Э-эй! Газеточка, пожалуйста!

Бесполезно. А вот что интересно – будет ли Николай Из Студии читать меня заново? Может, не так всё запущено, и голова у меня разболелась с непривычки? Может, я ему всё-таки нужна, и он просто неумело читал?

Я очень на это надеялась, поскольку Учение Храма повторял, что каждый второй читатель не умеет читать. Мне оставалось коротать время в размышлениях. Я много думала о загадочных авторах и не менее загадочных Типографах, пытаюсь как-то постичь то, что пока было за гранью моего понимания. Интуиция молчала, и для ответов на вопросы мне не хватало новых знаний. Чтобы хоть как-то унять головную боль, я закрыла глаза и представила, что карабкаюсь на Аннапурну вместе с Учением Храма. Вот глупость какая, зачем Книгам покорять горные вершины, да к тому же на козлиных ногах? Лучше уж сидеть наверху и плевать на тех, кто пытается! Эти нелепые фантазии немного помогли успокоиться, но большое

количество непонятных мыслей и кривых вопросов всё равно угнетало. «Наверно, много думать – вредно», – в очередной раз подумала я.

Мой читатель вернулся ко мне следующим вечером. На этот раз он прочитал около ста моих страниц. Страничка, уголок которой он отогнул, потихоньку проходила, но это не особо утешало.

Мне уже не было щекотно – мне было просто дождливо и грустно оттого, что меня, на самом деле, не читают. После ста страниц я это поняла. Поняла, совсем не зная, что испытывают Книги, когда их действительно читают. Может быть, я слишком много ожидала – и первый читатель благополучно разочаровал. А может, это – моё первое озарение?..

С этого момента я решила научиться чувствовать читателя. Я чувствовала, что Николаю Из Студии с трудом даются мои страницы, будто бы он в одиночку тянет по реке нагруженную свинцовыми нимбами баржу. Он не принимает эти страницы, он их отвергает, а его чёрные мысли-дыры активно атакуют моё страстное желание ему понравиться.

Это позволило узнать кое-что новое о себе: оказывается, во мне содержится НЕЧТО. Нечто, заставляющее людей меня не принимать. И это нечто никак не связано со мной нечитаемой. Отсюда я сделала два скоростижно смертельных вывода: во-первых, я категорически не нужна Николаю Из Студии, и, во-вторых, лучше бы он плюнул в меня с небес и не покупал, так как, купив, сделал мою Судьбу несчастливой.

Поэтому я отчаянно прогрустила и безудержно проплакала весь следующий день, лёжа на столе рядом с умирающей газетой и глухонемой вазой. И даже если бы рядом оказалась Весёлая Наука, моя первая и самая прелестная подружка, я бы проплакалась ей в переплёт, будучи принципиально неутешательной, глупо хандрящей, бестолковой маленькой кретинкой!

А затем в комнату вошёл незнакомый силуэт человека (как впоследствии выяснилось – отец Николая Из Студии) и бросил на стол яркий блестящий журнал. И я очень удивилась, когда Журнал почти сразу заговорил со мной:

– Эй, дурёха, ты чего ревёшь, как этикетка от выпитой бутылки?

– Я не нужна-а моему чита-ателю... – прохныкала я.

Журнал как-то неадекватно рассмеялся:

– Тебя волнуют такие мелочи? Брось, забей и разотри в порошок!

– Тебя, небось, до дыр зачитали, да-а? Везу-у-ука!

– Меня? Да что ты, ещё успеют! Меня только купили, этот мужик прочитал в метро гороскоп и заметку «Первые признаки нежелательной беременности». Он долго и безуспешно матерился про себя!

– Стоп! Откуда ты всё это знаешь? – я торопливо утёрла слезы и насторожилась.

– Откуда-откуда? От лизоблюда! Да мне в Газетном Киоске рассказали! Там один Журнал у нас жил – всевидящий, всеслышащий и вездевынюхивающий. И звали его Альтруистом. Он всё про всех знает. Я так пожалел, когда меня купили – этот горемыка-прохвост такие мышьяковые байки травил – закачаешься, оглавление мне под зад!

– И что ты знаешь про Книги? Я ведь Книга! – с гордостью провозгласила я, вздёрнув носик и взмахнув длинными невидимыми волосами.

По ходу дела я вспоминала весь книжный жаргон, которому меня учила Весёлая Наука, и который мне жутко не нравился.

– Ну и что с того? Вижу, что не пустая тетрадка, – Журнал, похоже, не собирался проявлять ко мне уважение. – И чего ты хочешь узнать про несчастные Книги?

– Хочу узнать, чем мы от Журналов отличаемся!

– Тем, что дебилки вы все, набитые бессмысленным смыслом! Ни одной умной Книжки не слышал! А строите из себя Типограф знает кого!

– Я сейчас обижусь, – заявила я.

– Да обижайся на здоровье! Мне лично по печатному станку.

– Ну, если ты всё знаешь, скажи, кто такие авторы. И чем они от Типографов отличаются.

– Нашла что спросить, кулёма! Авторы – это те, кто сочиняют всякую чушь вроде гороскопов и заметок. Затем всё это помещают в таких, как я – уж не знаю, зачем. Только без Типографов эти авторы так бы и носились со своими заметками, как курица носится с писаной торбой. А теперь авторы гордятся тем, что их якобы где-то там напечатали. Идиоты! Это меня напечатали Типографы, а авторы здесь вообще не причём.

– Ты сказал «идиоты»? Ты назвал авторов словом, обозначающим тех, кто сжигает Книги!

– Конечно! Авторы и сжигают Книги. Книги, в которые другие авторы поместили свою писанину. Авторы – завистливые, подлые люди. Даже не люди – Идиоты!

– И что? Получается, во мне тоже есть писанина какого-то автора?

– Да, представь себе! И, может, не одного. Вот тебе мой совет, плакса – забей. Иначе горя не оберёшься. Живи себе спокойно, кайфуй, когда тебя читают, но ещё больше кайфуй – когда тебя не читают. Людям вредно много читать, крошка.

– Жаль, я не могу прочитать саму себя. Это Авторы-Идиоты прокляли весь наш род. А род Журналов они тоже прокляли?

– Чушь какая! Впервые об этом слышу! Ну я тоже не могу читать себя, только не понимаю, зачем мне это нужно.

– И других ты тоже не можешь читать?

– Ясный эпиграф! Как я могу читать других, если не могу прочитать даже себя? Книга, ты вообще чего несёшь, а? Глупая, как автобусный билет!

Я снова пропустила оскорбления мимо ушей. Какой надменный и хамоватый тип этот Журнал!

– Но мы с тобой можем друг друга понять, не читая, – попыталась я примириться.

– Вот и кайф! Только ты меня не понимаешь ни апострофа! Ну и лежи, реви себе дальше. А я гулять пойду.

– Что?! Как? Куда?? – от изумления я вытаращила глаза.

– Спрячь свои зенки! Есть такая штука – воображение! Впервые слышишь, да? Мир грёз – единственный реальный мир. Об этом ещё твои предки Манускрипты говорили! Всё, что ты видишь – иллюзия. А значит, всё, что ты не видишь – то есть сны, фантазии – всё, чего нет – и есть единственная настоящая реальность! А ты давай, спи наяву дальше. И выбрось из головы всякую дрянь по поводу авторов!

Журнал закрыл глаза и притворился неживым.

Ах, вот оно что... Неужели по этой причине все они, эти предметы, кажутся такими мёртвыми? Они с головой ушли в мир грёз! А может... они ушли в него навсегда?!

Я вспомнила Учение Храма. Он был живым. Немного странным, конечно, но живым. И мысли его были схожи с теми, что изложил мне сейчас Журнал. Учение Храма казался спесивым эгоистом, не очень-то стремился быть прочитанным и часто уходил в мир грёз.

Попробовать, что ли, уйти туда же? Журнал прав, жизнь – сплошная мука, хандра, сплин и крематорий. И даже моя депрессия, моя самая великая обожаемая тоска – и та иллюзия!

Я уже не знала, кому верить. Утёрла обложку, расправила странички, причесалась и решила для начала вздремнуть. Что бы там ни говорили, сон – замечательное состояние!

Вот только во сне я этого не ощущала, потому что мне опять приснился кошмар – толпы Идиотов с пятнами на лбах устроили костёр из Книг и Журналов, плясали вокруг него, подкидывали в огонь Книги и выкрикивали проклятия на тарабарском языке.

Проснувшись я в холодном поту и Журнала рядом с собой не обнаружила. Наверно, отец Николая Из Студии забрал его.

А мой первый читатель дочитал меня через два дня. Он просидел дома вместе со своими родителями. Правда, ни отец Николая, ни его мать ко мне даже не притрагивались.

Грусть немного утихла, неприятные ощущения притупились – хотя я надеялась, что, может, Николай Из Студии изменит своё отношение ко мне. Нет... Он мял мои странички, нервно перелистывал их... Он сопротивлялся, тяжело вздыхал, бубнил себе под нос, критиковал, но не читал. Значит, Несудьба. Когда он захлопнул меня, то ничего не сказал. Но мне удалось мельком заглянуть ему в глаза и заметить вместо них две пустых бездны беспокойного страха.

После чтения Николай Из Студии вернул меня обратно на стол и, превратившись в тёмный немой силуэт, засел за свой компьютер. А я вздохнула с облегчением...

Ну вот, спасибо! Сбылась мечта идиота! А ведь каждая Книга в Магазине мечтает быть прочитанной полностью! И что дальше? Разумный вывод напрашивался один – чувства, вызываемые чтением, скорее всего, зависят от того, кто тебя читает. Но теперь, после того, как я куплена и прочитана Николаем Из Студии, сможет ли меня прочитать кто-нибудь ещё? И каким, извините, образом он это сделает?! Сказать, что я была разочарована – ничего не сказать. Я была полностью подавлена и опустошена, но пока, наверно, не ощутила всю разрушительную силу равнодушия. Я смотрела на своего читателя издали – он прилип, как бумажный клоп, к монитору, и увлечённо стучал по клавишам. Понять, что он чувствует, я могла только приблизительно. Скорее всего, он тоже разочарован. И какого Идиота он меня купил?!

А ещё этот Николай Из Студии испугался. Он так же трясся в моих руках, как и я – в его. Ну да, он ещё называл ересью это самое НЕЧТО во мне. Писанину какого-то Идиота, если я правильно поняла Журнала. Значит, нет во мне ничего путного – и быть не может. Спасибо, дорогие Типографы, ещё раз за то, что родили меня сюда. Родите, пожалуйста, обратно! Забери вас фальцевальная машина!

Хотя теперь мне всё по печатному станку. Полежу пока на столе, а когда надоест, уйду в мир грёз. Навсегда. И гори оно всё красной строкой...

5. Второй читатель

Три дня я промучилась на столе в одиночестве, то впадая в бесполезное забытье, то возвращаясь в приторную явь. Николай Из Студии не догадался (или не захотел) поставить меня на полку. Это сделала его мама, когда убиралась в комнате, и за время маленького полёта я успела почувствовать, какие тёплые у неё руки.

Желая спастись от съедающей душу тоски, я сразу же набросилась на моих соседей: правого – толстую твёрдую Книгу по имени Сектоведение, и левого – не менее массивную красно-чёрную Книгу с именем Красное и Чёрное.

– Привет, привет! Меня зовут Безусловная Любовь! Меня недавно прочитал Николай Из Студии! А вас он тоже прочитал?

– Во-первых, его зовут просто Николай, – прохрипел Сектоведение. – А во-вторых, кто это посмел разъединить нас с соседом?

– Что у тебя с голосом? Ты болеешь?! – удивилась я.

– Маленькая ещё, чтобы мне «тыкать»! – возмутился Сектоведение.

– Это Тамара. Это она впихнула её между нами, – сказал Красное и Чёрное.

– Это Тамара, – передала я Сектоведению.

– Ну конечно. Местная язычница. Чтоб её больше никогда не издали! – и Сектоведение закашлялся.

– Книги могут болеть... – тихо произнесла я.

– Свалилась на нашу больную голову, – пробурчал в ответ Красное и Чёрное.

Какие-то они нелюбезные совсем. Но я снова осмелилась спросить:

– А от чего Книги болеют?

– От жизни своей книжной, – ответил Красное и Чёрное. – Тебе, я вижу, ещё и месяца не исполнилось. А мне послезавтра двадцать восемь лет будет.

– Вот это да!! А Сектоведение...

– Он ещё ребёнок, четыре года всего. А уже спонтанную апатию подцепил. Так что ты даже по сравнению с ним – брошюрка беспереплётная, поэтому будь любезна, не доставай нас своими вопросами. По хорошему просим.

Я заткнулась и закрыла глаза. Я была шокирована!

Конечно, эти мои соседи знали ВСЁ. По сравнению с ними медитативный Учение Храма и великий ясновидящий Журнал Альтруист были просто ни на что не годными буклетиками! А я... я вообще только вчера родилась. И вся моя слезливая рефлексия – просто комплекс неполноценности новенькой книжонки, беспомощной в своём инфантилизме.

Ждать, что они сами захотят заговорить со мной – глупо. Попытаться задать вопрос – ещё глупее. Что же мне делать?

Сектоведение кашлял и хрипел, Красное и Чёрное спал и грезил. Двадцать восемь лет. Фантастический возраст. И с виду особо не скажешь: слегка потрёпанный переплёт, взгляд хмурый и глубокий, голос уверенный и тон, не терпящий возражений.

Конечно, его уже читали, и не раз. Он всё знает – и про себя, и про Книги, и про людей. Вот Сектоведение в семь раз моложе – может, стоит пообщаться с ним, когда выздоровеет?

Думала-то я думала, только жизнь снова подбросила мне свой беспечный сюрприз. Накануне дня рождения Красного и Чёрного в гости к Николаю пришёл молодой человек по имени Серж. Ростом он был повыше и не носил бороду. Они с Николаем долго сидели за компьютером и беседовали о непонятных мне вещах: блютусах, скриптах, тэгах и такой-то матери. А затем гость спросил Николая:

– Есть что интересного почитать? А то знаешь, эти новомодные недокрученные писатели уже надоели. В какой магазин не зайдёшь – горы бредовой фантастики и социальной порнографии.

Серж повертел пальцем у виска и подошёл к полке. Необъяснимо-приятная тревога поглотила меня, и вернулось чувство радости, которое я испытывала, когда к моей полке подходили люди в Книжном Магази́не. Интересно, могут ли люди покупать Кни́ги друг у друга? К тому же меня радовал сам факт того, что я вижу и слышу людей уже около часа!

Серж уставился на хворающего Сектоведение, вытащил его и начал листать. Красное и Чёрное внимательно наблюдал, а я ощутила некоторое облегчение. Серж положил Сектоведение рядом с полкой и... взял в руки меня!

И в этот момент Красное и Чёрное произнёс странную фразу, которую я расслышала краем уха:

– Асталависта, бейби. Слава Авторам, древняя магия всё ещё работает.

А Серж долго листал меня, повергая душу в священный трепет, а затем обратился к Николаю:

– Можно взять «Безусловную Любовь?»

– А, эту? Бери. Кстати, хочешь посмотреть, какой спор из-за неё разгорелся...

Серж подошёл к своей чёрной сумке и поселил меня в неё. И здесь я сразу же встретила ещё одну Кни́гу, по имени Старый Пруд.

– Привет, я прилетела! – зашебетала я. – И очень этому рада! Оказывается, люди могут давать Кни́ги друг другу просто так и не менять нас на деньги! Спрашивается, почему же так не делается в Магази́нах. Зачем людям деньги, а?

– Повезло тебе, – ответил Старый Пруд.

– Да, я безумно счастлива! Серж будет моим вторым читателем. А тебя он уже прочитал?

– Серж очень любит меня. И у нас с ним это взаимно. Он часто перечитывает меня и никому не отдаёт. Потому что я ему нужен. А раз тебя отдали, значит, ты кому-то не нужна.

Я решила проверить свою догадку:

– А сколько тебе лет?

– Мне десять месяцев и девять дней.

– И ты счастлив?

– Да.

– Повезло тебе...

Старый Пруд вымученно улыбнулся, но я заметила в его взгляде недоверие. И, похоже, поняла его причину.

А потом Серж накидал в сумку лазерных дисков, и это разъединило нас со Старым Прудом. Диски эти только надменно пищали да презрительно скрипели, оказавшись не готовыми к налаживанию контакта с существом из другого мира.

Неожиданно Серж достал меня во время поездки на метро. Я ни разу не видела, что творится в метро, поэтому хотела понаблюдать за окружающим миром... но в то же время меня открыли на первой страничке – и желание разглядывать силуэты людей тут же пропало. Ужасный грохот также быстро перестал мешать... потому что меня начали читать! В этот миг я забыла обо всех знакомых Кни́гах, о концепциях Судьбы, о полётах и боли, о Николае, о грусти и депрессии. С первой страницы мне стало ароматно жарко, и лицо покрылось липким потом. Мне захотелось увидеть глаза читателя, но я не смогла, потому что пришлось зажмуриться от их слепящего света. В моей гигантской душе всколыхнулось неведомое до сих пор чувство. Чтобы не потерять сознание от всего и сразу, я вцепилась в руки читателя и глубоко задышала. Это помогло – я и не знала раньше, что вовремя дышать – так приятно!

Что со мной?! Бешено кружилась голова, я падала в наполненную тёплым светом бездну, и только руки человека удерживали меня, как казалось, навесу. С большим трудом мне удавалось оставаться в переплёте, но внутри меня бушевал настоящий пожар. А когда Серж перелистывал страницу, огонь колыхался от ветра! Мне захотелось холодной воды – вот дикое желание, неосуществимое Книгами! Где-то в моих клеточках-складочках, в бумажных молекулах-генах, встрепенулся инстинкт самосохранения, предупреждающий: «Вода – это адская, мучительная боль!» Но сейчас я бы с радостью наплевала на инстинкты, потому что хотела взорваться и разлететься на тысячи маленьких страничек от такого ураганного наслаждения!

Что-то менялось в глубине меня, и краем сознания я понимала, что отныне моя жизнь больше не будет прежней. Вскоре не осталось ни сил, ни желания сопротивляться увлекающему в неизвестность сказочному потоку из ласкающего до судорог огня и заставляющей кричать от удовольствия неуголимой жажды. Я отпустила руки читателя и полетела...

Но это был полёт совсем иного рода, нежели простое перемещение наяву в пространстве. И пусть я также не могла управлять им – Книги вообще существа хрупкие и беспомощные. Зато я, бесконечно проваливаясь в клочущее нежным пламенем чрево потока, видела яркие картинки из чьей-то неожиданной фантазии. Я видела старого ветхого человека, чья рука выводила на белой бумаге птичьим пером строчку за строчкой. И когда перо касалось бумаги, у меня было такое ощущение, что это кто-то внутри меня рисует буквы лезвием ножа. Только боли при этом не получалось – пожар затмевал собой всё.

Картинка пишущего сменилась другим видением – человека, распятого на кресте. Создалось впечатление, что я находилась среди толпы людей, выкрикивающих неясные слова на непонятном языке. Только я ничего не кричала, а просто смотрела на усталое лицо умирающего, пытаюсь поймать его взгляд. Затем кто-то из толпы поднял с земли камень и бросил его в распятого. Дурному примеру последовали другие. Я хотела остановить безумцев, но снова ощутила полную беспомощность.

Следующим видением был католический храм, а я находилась внутри, держала в руке карандаш и срисовывала икону Божьей Матери. С ума сойти – я оказалась в теле какого-то художника! Желая продлить сказочное переживание действия, я сосредоточилась на рисунке и увидела, что вместо лика у меня получается собственный, причём человеческий, портрет – смуглой женщины с густыми чёрными бровями и волосами до пят!

Сюжетное видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Перед моими глазами с калейдоскопической пестротой замелькали загадочные цветные узоры и фигуры всех оттенков и форм. А из памяти, не успев даже закрепиться, медленно исчезали мутные черты собственного портрета.

Я парила, парила в мире невероятных грёз, какие мне до сих пор и не снились. Тем более, что я даже вообразить себя не могла человеком – только Книгой. В моих грёзах, казалось, было всё – волшебные переживания, скользкий трепет, чуткое удовольствие, бурный оргазм... но только казалось. Мне не хватало движений воздуха, ароматов, музыки, не создаваемой словами. Они не появлялись, а картинки не пропадали, когда я включала или выключала зрение.

А затем всё резко пропало в тёмном тоннеле ночи, словно я проснулась. Оказалось, что Серж заложил календариком страничку, закрыл меня и убрал в сумку. Пожар внутри утихал, но обложка ещё долго хранила страсть обнимавших меня рук.

Вот только на то, чтобы прийти в себя и всё обдумать, времени не хватило, потому что Серж, приехав домой и поужинав (я учуяла человеческую пищу по запаху), взял меня и утащил в спальню.

Моё тело снова бросило в жар. Но на этот раз он быстро схлынул, и я ощутила удивительную ясность ума. Глаза, конечно, пришлось закрыть из-за ослепительного внешнего

света, но зато я могла говорить. Я не знала, что говорю, слова сами рождались во мне и произносились знакомым женским голосом.

– Серж, что со мной происходит? Почему я не могу этого понять?

– Я читаю тебя, – сказал в ответ Серж. – То, что в тебе написано, удивительно.

– Я тебе нравлюсь?

– Да, очень! Я никогда не читал ничего подобного!

– Во мне что-то есть? Как это называется?

– Текст. Но это не повесть и не роман.

– Серж, знаешь... ты мне тоже очень нравишься! Ты понимаешь меня, я это чувствую, только я пока не могу понять себя. А ещё ты совсем не такой, как Николай!

– Николай просто тебя не понял. Он христианин.

– А я нужна тебе, Серж?

– Да. Ты пришла ко мне вовремя.

– Мне повезло с тобой.

Появился мужской голос, и я начала путаться. То ли я задавала вопросы и сама же на них отвечала голосом читателя, то ли я вообще молчала, читатель разговаривал сам с собой, а я его слышала.

– Прочитай меня, пожалуйста.

«Учись присутствовать в собственных переживаниях. Я не говорю «попытайся их понять». «Пребывать в них» не означает анализировать. Напротив, осознай, что понять переживание ты не можешь. Ты можешь либо быть с ним, либо рассуждать о нём – а значит, не быть с ним».

– Что это? – спросила я. – Это ты МНЕ советуешь?

– Нет, это ТЫ мне советуешь.

– Я не знаю, что это.

– Это текст в тебе.

Я снова вспыхнула и загорелась. Типограф ты мой родной, как же сказочно тепло и беспечно светло на душе! Это невероятно!!!

– Почему я плаю, милый?

– Потому что в тебе открывается то, что ты переживала, но не знала.

– Переживала? Когда?

– Когда тебя создавали.

Серж читал меня почти всю ночь, и только под утро, когда у него окончательно слиплись глаза, заложил календариком и сунул под подушку. Ему осталось прочитать совсем немножко, но, честно говоря, я была рада, что он прервал чтение. Потому как столько непрерывного счастья и небывалой радости сразу я выдержать просто не могла. Когда я перестала произносить слова, то попросту отключилась и очнулась только под подушкой.

Это было вершиной моего счастья – уютно лежать в обрамлении мягких перин, смотреть наяву забавные сны моего читателя и ни о чём не думать.

А снилась Сержу полноватая коротко стриженная девушка по имени Юля. Они гуляли по городу Парижу, потом заблудились в нём и никак не могли найти дорогу в отель. А затем они потеряли друг друга, Серж расспрашивал прохожих: не видали ли они русскую девушку в шляпе и с зонтом, но французы его не понимали и отвечали почему-то по-английски. Впрочем, все эти оттенки человеческого языка звучали для меня одинаково.

Утром Серж вытащил меня из-под подушки и дочитал. Несколько раз он прерывался, откладывая меня в сторону, долго ходил по комнате, курил и, видимо, о чём-то размышлял. А когда я завершилась, Серж обнял меня и прижал к своей груди. Я тоже обняла и поцеловала его, у меня закружилась голова, и я снова захотела потерять сознание от счастья. Но не получилось.

– Побудь пока здесь, – сказал Серж и... поставил меня на одну из многочисленных полок в огромном шкафу.

Нет, вовсе не поставил, а положил сверху на стопку других Книг. А до меня верхней Книгой в этой стопке был мой недавний знакомый Старый Пруд.

– Ой, привет! – радостно воскликнула я. – Серж только что прочитал меня! Ты себе не представляешь, как это было восхитительно! Он полюбил меня, и теперь я ему нужна!

– Вижу, вижу. У тебя это на лице розовыми буквами написано. Только зря обольщаешься, скоро он вернёт тебя туда, откуда взял.

– Да??? И правда... ты прав...

Я вспомнила о Николае, который купил меня и совершенно вылетел из головы. Я принадлежу ему, а не Сержу, и он потребует меня обратно. И вряд ли Николай прочтает меня во второй раз, вряд ли полюбит...

– Послушай, – обратилась я к Старому Пруд. – Ты давно знаешь Сержа, и наверняка сможешь с ним поговорить, когда он снова возьмёт тебя почитать. Может, ты попросишь его купить меня у Николая? Я не хочу к нему возвращаться.

– Ишь ты какая хитренькая! – усмехнулся в ответ сосед. – Тебе нужно – ты и проси. А мне это зачем? Я – любимая Книга Сержа. И он всё равно не полюбит тебя так же, как меня!

– Не полюбит?! Враньё! Да он уже меня полюбил! Он обнимал меня, он так нежно гладил мои странички! Я испытала с ним настоящее наслаждение! Он даже спал со мной под подушкой и доверил мне свои сны!

– Ах, вот он как... – Старый Пруд перестал улыбаться и гневно сверкнул очами. – Что ж, я попрошу его немедленно вернуть тебя Николаю! Ты... гаденькая Книжонка! Прыщавая, маленькая выскочка! Ни абзаца из себя не представляешь, а уже хочешь отнять у меня любимого читателя! У тебя ничего не выйдет, так и знай! Ты – ничто по сравнению со мной!

И Старый Пруд отвернулся. Я была возмущена, я схватила его за переплёт и сказала:

– Ты меня не знаешь! Я не просто Книга, во мне есть Текст! А ты... ты пустой и жалкий!

– Отцепись, дура! В тебе какая-то идиотская писанина, а во мне – Стихи!

И Старый Пруд ударил меня. Было очень больно и обидно, я отвернулась от него и заплакала.

Теперь он точно скажет Сержу, чтобы тот отдал меня Николаю. Мне надо опередить его, мне надо сказать Сержу, чтобы он не слушал Старого Пруда, чтобы отдал его... отнёс обратно в Магазин! Я не хочу, не хочу, НЕ ХОЧУ к Николаю!!! Я хочу, чтобы Серж перечитывал меня ещё и ещё раз, чтобы он не читал больше никаких Книг, кроме меня! Я хочу, чтобы Серж увидел в моей писанине Стихи. Они наверняка во мне есть, только как, КАК мне доказать ему это, если я сама в себе не уверена?! Что же делать-то?..

Я заливалась слезами и тряслась в рыдании. Похоже, не тягаться мне со Старым Прудом. Серж читает его уже десять месяцев, а меня только два дня. Но, Типограф мой, как же это безумно хорошо! Этот читатель – моя Судьба! Я не хочу отдавать его никому! Как же быть?!

Несколько дней я пролежала на полке в тяжёлом молчании и мучительных раздумьях. Старый Пруд больше ни разу не заговорил со мной, он пытался игнорировать наше соседство, но я чувствовала, какая волна гнева исходит от него. Я тоже боялась сказать что-нибудь не то и пошевелинуться как-нибудь не так. Я знала, что он сильнее, поэтому не хотела давать ему новых поводов для унижения. Мысль о том, что во мне – Текст Идиота, не давала покоя и разъедала нутро, начиная с восьмьдесят пятой странички.

Наблюдение за живущими в этой квартире людьми ничего не дало. Я видела Сержа, иногда слышала его, а других людей я совсем не знала и с трудом понимала. Однако они казались более могущественными, чем Книги, и почти волшебными существами. Ведь только в контакте с ними во время покупки или чтения я могла познавать себя и испытывать неповто-

римые ощущения разной степени приятности. Только люди могли перемещать меня в пространстве, и от них зависело моё будущее. Красному и Чёрному было двадцать восемь лет, и может, больше половины из них он простоял на полке. Когда я думала о такой перспективе для себя, то ужасалась и обливалась холодным потом.

Я много думала о Серже и своих странных видениях во время нашего общения. Я думала о Тексте внутри, и на моих глазах появлялись слёзы. Если Серж полюбил меня из-за этого Текста, то почему Старый Пруд назвал его «идиотской писаниной»? Я не верила в то, что мой читатель – какой-нибудь автор или, чего доброго, Идиот. Меня не может любить Идиот!

Очень хотелось спросить у Старого Пруда про того автора, который поместил в него Стихи. Но я боялась. Очень боялась, что из-за ревности Старого Пруда потеряю нужность моему читателю. При этом я сама ревновала и не знала, куда деться от этого разрушающего чувства!

Два или три раза на меня накатывало катастрофическое отчаяние. Два или три раза оно сменялось феноменальным блаженством! И всё потому, что я не могла забыть те фантастические минуты, когда Серж читал меня. Я хотела, чтобы это снова случилось со мной. И боялась, что этого больше никогда не повторится...

Потеряв счёт дням, я подолгу дрожала, наивно грустила, чувствовала себя то страшно одинокой, то непомерно счастливой. Но с каждой минутой одиночества становилось больше, а тоскливого масла в его совсем не радостный огонь подливал Старый Пруд, который находился близко и открыто ненавидел меня. И я тоже возненавидела его всеми бумажными волокнами своих страниц!

Из этого неприятного противоречивого состояния меня вывела девушка по имени Юля, которую я видела тогда во сне Сержа. Она появилась в комнате моего читателя наяву. Я решила послушать, о чём они рассуждают, сидя друг напротив друга на диване. И это получилось! Юля, оказавшаяся в реальности худой крашеной блондинкой, держала Сержа за руку и говорила:

– Ты какой-то отчуждённый в последнее время. Вчера вот не пошёл со мной в кино, и пришлось звать Гальку. А она мне надоела вечным нытьём о своей неудавшейся жизни. А после фильма вообще достала. На уме только одно: почему все мужчины спят с ней, а потом бросают. Вот не выдержу и как-нибудь скажу ей всё, что думаю!

– Ну и что ты думаешь? – спросил Серж.

– Я думаю, что тебе пора сказать мне, почему мы так редко видимся. А? Что случилось, милый?

– Да ничего не случилось особенного.

– Лучше расскажи. Я не слепая, я же вижу.

Юля встала и, сложив руки на груди, подошла к окну.

– Рассказывать решительно нечего. Мы с тобой видимся не чаще, чем нам необходимо.

– Смотри, Серёженька! Ты не заметишь, как я однажды не позвоню, затем не дождусь тебя после института, а затем сяду в белый «Мерседес» к своему прекрасному принцу и укачу в заоблачные дали. А ты проводишь меня взглядом и побредёшь к метро, думая вот о чём: «Какой же я балбес! И почему я ей тогда ничего не рассказал?»

– Белый «Мерседес» – это скучно! Настоящие принцы ездят только на метро, поэтому девушки их не находят. Не там ищут, понимаешь?

– Ещё одна такая заявка – и я решу, что Галька моя несчастная права. Серёжа, я не молодая наивная идиотка. И я слишком долго тебя искала, чтобы просто так взять и потерять из-за какого-нибудь пустяка, из-за маленькой недомолвки, из-за крошечной лжи. Будь другом, скажи, как есть, или ты не доверяешь? Я что, слишком много требую?

– Именно.

Юля резко обернулась и спрятала руки за спиной. Серж даже не шелохнулся. А я, как обычно, мало чего понимала. Отношения людей друг с другом и их громкие шумовые беседы меня не касались и никак не могли повлиять на мою неопределённую Судьбу.

– Пока ты будешь чего-то от кого-то слишком хотеть, ты не сможешь обрести счастье – ни со мной, ни с белым «Мерседесом», ни с чёртом лысым. И опыт твоей подруги Гальки это доказывает.

– Серёжа, что ты такое вообще несёшь? – Юля побелела, затем неожиданно покраснела. – Ты говоришь, что я тебе больше не нужна. Хорошо. Как её зовут, кто она? Я её знаю? Это опять Наташа? Вы что, с ней поссориться нормально не можете? Это она, да?

Я вздрогнула. Другой человек может быть так же не нужен, как и Книга. Похоже, что Юля не нужна Сержу, а значит, он вернёт её обратно – туда, откуда взял.

– Я говорю о том, Юленька, что в жизни ничего не определено. Таков её закон, и ты, пытаясь сделать мою жизнь предсказуемой, убиваешь во мне любовь. А любовь свободна от всяких форм. Она не может управлять, она может распространиться на много людей. И если ты мне приказываешь любить только тебя, то у меня ничего не получится.

Серж поднялся с дивана и подошёл к нашей со Старым Прудом полке. А Юля уже сидела в кресле и заливалась слезами. Она не слышала слов Сержа, а я сильно перепугалась, когда он неожиданно взял меня в руки, которые пахли морозом и сильно тряслись.

Он шагнул к Юле, уже превратившейся в тёмный силуэт, протянул ей меня и сказал:

– Здесь написано о любви. Я долго сомневался в том, что всё так и есть на самом деле. Я не хотел верить в то, что люди такие глупые. Юля, я хочу, чтобы мы с тобой вместе поняли это.

С небольшой высоты я упала на колени к плачущей девушке. И вдруг она схватила меня и прохныкала:

– Уйди отсюда! Ты меня не любишь!

И, будто бы подтверждая это, она с большой силой швырнула меня! Мгновенно перестав слышать людей, я пролетела несколько метров и с громким стуком ударилась об стену. Молниеносная боль пронзила всё тело. Оглушённая и ослеплённая, я упала на пол, не успев сгруппироваться, и от второго удара провалилась в мрачную, удушающую бездну глубокого обморока.

6. Третий читатель

В себя я пришла далеко не сразу. Находясь во мраке уже знакомой сумки, я вряд ли могла похвастаться ясным умом. Оказывается, моё сознание отключается при глубоких переживаниях. Как только случается невозможным выдержать какое-либо ощущение, вне зависимости от его окраски, я перехожу в другую реальность и не могу с этим ничего поделать. От того, каким было изначальное переживание, зависит, в светлую или тёмную бездну я попадаю.

Немного ныл переплёт и странички с пятьдесят третьей по шестьдесят пятую. Переплёт – от удара об стену, а на странички я неудачно приземлилась. Но физической боли свойственно проходить. Беспокоило совсем иное: Серж отдаст меня Николаю.

Старого Пруда в сумке, к счастью, не было – здесь жили несколько толстых тетрадок, пенал и плеер. Мне удалось повернуться на левый бок и с радостью отметить, что Пенал копошится и моргает, а значит, готов к общению.

– Привет! Я Книга, меня зовут Безусловная Любовь. А тебя как зовут?

– Меня зовут Урод С Молнией, я Пенал, – ответил он.

– Какое у тебя странное имя...

– Так меня назвала одна Книга. Я подумал, что это лучше, чем Крокодил ПК 1–1 ПЭ Крошка 190 на 60, и поэтому решил поменять имя.

– А ты знаком со Старым Прудом?

– Да. Эта Книга переименовала меня.

– И тебе нравится твоё новое имя?

– Нравится. Оно красивое.

Видя, что мой собеседник вполне адекватен, я осмелилась спросить:

– Скажи, а в чём смысл жизни Пенала?

– Смысл жизни Пенала в том, чтобы быть Домом.

– А что значит быть Домом?

– Я не знаю. Но я знаю, что меня часто открывают и привносят в меня различные существа. От того, какие существа находятся во мне, зависят те ощущения, которые я испытываю. Однако я ни разу не испытывал блаженное ощущение, которое называется «быть Домом», поэтому моя жизнь по большей части бессмысленна.

– Хм. Меня тоже иногда открывают.

– Тебя открывают, чтобы прочитать и полюбить. Так говорил о Книгах Старый Пруд. А я не знаю, что такое любовь. Зато я постоянно летаю вместе со своим Хозяином.

– Твой Хозяин – Серж?

– Да. И я готов отдать свою ткань, свой кожзаменитель и свою молнию за него. В Откровении от Первопенала, параграф 78, строфа 10.1, сказано: «Лишь тот Пенал сможет вырасти до Дома, кто готов отдать всего себя ради Хозяина своего».

– А как зовут главного Бога Пеналов?

– В том же Откровении, параграф 12, строфа 2.0, сказано: «Един и неделим Великий Бог Всевышний всея Пеналов. Не поминай всуе имя его – Галантерий».

– Выходит, наш Типограф и твой Галантерий – разные люди, – заметила я.

– Галантерий не человек, он Бог! – возразил Урод С Молнией.

– А сколько тебе лет?

– Два года и пять месяцев. Но если Пенал становится Домом, то он живёт вечно. Об этом говорил ещё Пенал Аравийский На Верблюжьей Верёвке семьсот пятьдесят лет назад.

– Я чувствую, ты увлекаешься историей и теологией. А откуда ты черпаешь знания? От людей? От других Пеналов? А может, из Книг?

– Я черпаю знания из пенального Астрала, куда любой Пенал учится окунаться с первых дней своей жизни.

– Странно, похоже, Книги лишены такой возможности.

– Книги по-другому устроены, мир и путь Книги сильно отличается от мира и пути Пенала.

– Значит, мы вряд ли сможем понять друг друга. От меня так далёк мир людей и миры всех остальных существ, что я чувствую себя одинокой.

– Открой для себя свой мир. Каждое живое существо способно понять другое существо только после того, как поймёт самого себя.

– Ты кажешься мне добрым и мудрым. Спасибо тебе, – и я искренне улыбнулась Пеналу.

– Тебе спасибо. Ты хорошая Книга. А Старый Пруд – плохая, прости меня Галантерий.

– Почему? Он же дал тебе красивое имя.

– Это единственное, что он сделал хорошего. Старый Пруд пообещал, что скажет про меня гадость моему Хозяину, и тогда тот порвёт мою ткань и поломаёт мою молнию. И тогда я не смогу отдать Хозяину всего себя, а это – адское горе для любого Пенала. И мне придётся отправиться на свалку Пеналов.

– На свалку?!

– Свалкой в самых древних легендах всея существ называется место, куда попадают те, кто никому не нужен.

– О мой Типограф!..

Настоящий ужас охватил меня и пробрал до самых уголков страниц. Пенал попытался меня успокоить, а когда через несколько минут Серж наполнил сумку существами из мира Пищи, Уроду С Молнией удалось придвинуться ко мне поближе. Меня колотило и трясло всю дорогу, и от какой-нибудь хвори вроде спонтанной апатии спасли только крепкие объятия Пенала.

Существо из другого мира отнеслось ко мне с большей любовью, чем мои родственницы Книги. Когда мы прощались, я, заикаясь, сказала:

– С-с-спасибо, Урод С М-м-молнией. Как жаль, что я не р-р-родилась П-п-пеналом...

– Береги себя. Будь счастлива! Ты прекрасна такой...

Что ещё он сказал, я не расслышала, потому как уже находилась в руке Сержа, который клал меня на стол в квартире Николая.

– Возвращаю книгу, – сказал второй читатель первому читателю.

– И как? – спросил Николай.

– Я с Юлькой поссорился, – вздохнул Серж вместо ответа, и они с Николаем превратились в немые силуэты.

Похоже, про меня забыли, и Серж не сказал Николаю, что любит меня. Я помнила, что девушка по имени Юля оказалась не нужна Сержу, и значит, она скоро отправится на свалку Юль. Так ей и надо! Я люто ненавидела эту девушку, потому что она очень больно ударила меня об стену. Возможно, я что-то пропустила, пока была в обмороке, но не помнила, чтобы Серж ещё раз читал меня или хотя бы открывал и листал. Он просто вернул меня Николаю, и я решила, что происки негодяйского Старого Пруда увенчались успехом.

Несколько часов я пролежала на безжизненном столе, а вечером мама по имени Тамара вернула меня на полку, где жили старые знакомые Сектоведение и Красное и Чёрное. Только на этот раз меня поставили между краем полки и Книгой с удивительно бархатным именем Апологетика. Впоследствии я не раз горячо благодарила за это и Тамару, и Типографа.

Наученная печальным опытом, я не стала сразу же знакомиться с соседкой и засыпать её нелепыми вопросами. Вскоре она первой заговорила со мной, и я узнала, что ей недавно

исполнилось полтора года, из которых почти год она живёт на этой полке, а Николай прочитал её один-единственный раз.

– И как? Ты испытала что-то подобное? – я рассказала Апологетике обо всех неприятных ощущениях, возникших во время общения с Николаем.

– Нет. Я испытала... теплоту. Мягкую, лазурную теплоту от его прикосновений. Он очень долго читал меня, часто прерываясь на день или на два. Он читал меня медленно. Эти два месяца были самыми волшебными в моей жизни. Я жила ожиданием того момента, когда Николай снова возьмёт меня, откроет и продолжит читать. Я наслаждалась процессом чтения. А когда он прочитал меня, я ещё несколько дней не могла в это поверить. Осознание того, что прекрасные ощущения больше не повторятся, довело меня до книжной фрустрации. Я болела несколько недель, мой левый сосед Булгаков Избранное ухаживал за мной, и благодаря ему я выздоровела и выжила. Таким образом, моя душа не огрубела и не зачерствела.

Видя, что Апологетика – искренняя и отзывчивая Книга, я доверилась ей и поведала всё о Серже, о своих чувствах и видениях, о нужности любимому читателю. Апологетика внимательно слушала, иногда задавая уточняющие вопросы. На её метафорическом лице то проскальзывала тень улыбки, то появлялась маска глубокой печали.

– В ответ на твоё доверие поделюсь своими знаниями, – сказала Апологетика после окончания моего длинного рассказа. – Отчасти они пришли ко мне с опытом в этой жизни, отчасти – из предыдущего опыта. Сразу предупрежу, что я сама ещё не до конца во всём разобралась.

Я легонько кивнула и спросила:

– Что значит предыдущий опыт?

– Если к тебе приходит какое-то воспоминание, о происхождении которого ты не можешь сказать ничего определённого, то знай, что это – канал связи с твоей предыдущей жизнью. Иногда его называют книжным Астралом, но это не совсем верно. Подобное название заимствовано из миров других существ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.